

Андрей Затонский
Авантюра

История одного похода по Приполярному Уралу

Андрей Затонский
Авантюра. История одного
похода по Приполярному Уралу

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40521636

ISBN 9785449626936

Аннотация

В повести описан пеший поход по Приполярному Уралу в августе 1995 года с восхождением на гору Манарага. С живостью и непосредственностью, свойственным молодому автору, представлены к тому восхождению многочисленные препятствия – от последствий недавнего развала СССР до очевидно назревающих семейных проблем, не считая болот, тальников, увечий, ссор и прочих мелочей. Текст иллюстрирован 80 фотографиями, сделанными как в этом, так и в многочисленных последующих походах.

Содержание

Об этой книге: 1995—1996	5
Предисловие 2019 года	9
Совершенно необходимое предисловие	12
Свистать всех наверх!	13
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Авантюра
История одного похода
по Приполярному Уралу

Андрей Затонский

© Андрей Затонский, 2019

ISBN 978-5-4496-2693-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Об этой книге: 1995—1996

Как-то так получилось, что с детства я свою жизнь не мыслил без походов. Наверное, одной из главных причин тому был мой старший брат Алёша, мой любимейший друг, хотя и на четырнадцать лет старше меня. Время, проведенное с ним, всегда было завлекательным приключением – хоть кофе варить, хоть на велосипеде кататься, хоть лодочный мотор отремонтировать и по Каме носиться, хоть обсуждать множественные вопросы, вполне глухо недоступные по понятиям советской морали для школьника средних классов, но старшему брату известные до мелочей.

Кстати, очень сомнительна эффективность нарастающих информационных «закрываний». Неизвестное манит больше знакомого. Скорее всего, современные тинэйджеры так же нетерпеливо мечтают заглянуть под обложку книжки в полиэтилене с маркировкой 18+, как мы в свое время в только что появившийся «СПИД-Инфо»: чего же *именно* там запретного? Ампула с кокаином, доступная когда-то для Шерлока Холмса? Шпага д'Артаньяна? Бутылка с настоем морфия старшего лейтенанта Бауржана Момыш Улы? Водка и коньяк как источник приключений героев «С легким паром»? Сигарета Волка из «Ну, погоди»? Красотка Уотлинг? Походы школьников во время моего детства? Что из доступного ранее сейчас необходимо закрыть, засекретить, считать запрет-

ным?

В общем, как раз с Алексеем я все это запретное и обсуждал. В том числе, и почти запретные сейчас для детей походы. Сам он дошел до водной «четверки» по Забайкалью, похода четвертой категории сложности, а о походах (и многих вышеперечисленных «запрещенных» материях) рассказывал весело и увлекательно.

Я не возьмусь утверждать, что он меня **учил** туризму, увлекал как-то, настаивал на моих занятиях туризмом. Рассказывал, отвечал на вопросы – да. Ему нравился водный туризм, я же больше таскаю рюкзак на спине. Несколько походов мы с ним сходили вместе, примерно в те же года, что и в этой книге. Однако туризм стал одной из моих основных жизней, которую я вот уже тридцать лет проживаю с благодарностью судьбе за то, что эта жизнь меня не миновала.

Я не возьмусь утверждать, что он меня **учил** играть на гитаре. Но он на ней играл, и пел, и выступал в концертах и конкурсах самодеятельной песни! И этого было достаточно для того, чтобы и я загорелся этим занятием. Пожалуй, я все же научился сам, образование, полученное в музыкальной школе, вполне позволяло подобрать постановку пальцев на грифе. Два из хрестоматийных «трех аккордов» я до сих пор играю в неправильной аппликатуре, не как все: как уж придумал, так и привык. Однако тридцать пять лет гитара и песня составляют совершенно неотъемлемую часть жизни, без них никак, и это здорово.

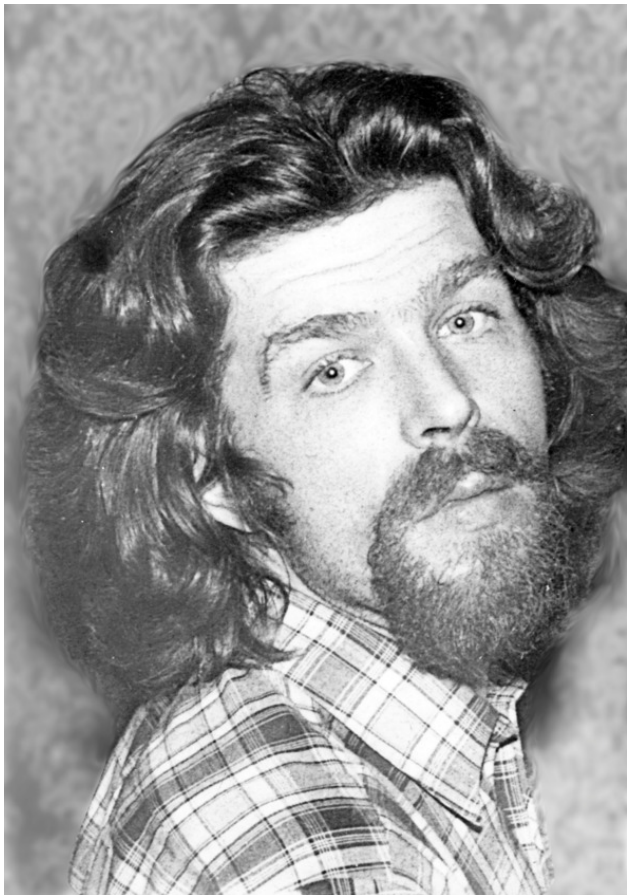
Я не возьмусь утверждать, что Алёша был сосредоточием моей жизни – но это именно ему я мысленно сочинял письмо 12 августа 1995 года, шагая вверх по правому берегу Лун-Вож-Нидысея к перевалу Каменистый. До сих пор помню этот высоченный, подмытый рекой берег, ощущение свободы от того, что мы таки вырвались из лесов и болот, и вот они рядом – Горы... И свое вдохновение, и желание облечь его в слова и поделиться с кем-то, да не с кем попало.

Ему в то время еще оставалось несколько лет до гибели.

И уж двадцать лет, как его нет.

Совершенно не укладывается в голове, что я теперь стал старше его, старше старшего брата.

Эта книга посвящается ему, Алёше.

Предисловие 2019 года

Как и в моей первой книге¹ текст дается практически в том виде, в котором я его написал осенью 1995 года. Фамилии удалены, это тем проще сделать, что в повести всего четверо героев: я, моя молодая жена Света, Светина подруга Лена и Светин (а по совместительству наш общий) близкий друг Андрей.

После 1990—1991 годов компания, описанная в «Брызгах» окончательно распалась. Несколько лет прошло без походов, с какими-то достаточно невнятными сплавами летом. Исключением было, пожалуй, только свадебное путешествие – сплав по реке Мойва с предшествующим перевалом через Чувальский камень с судами на плечах. Вишерский заповедник уже существовал, но мы вроде как путешествовали по поручению газеты «Примета», собирали материал о загадочных окрестностях горы Молебной. Впрочем, до Молебной так и не дошли по разным причинам – это тогда было нормально, чтобы от плана похода выполнялась от силы половина.

Вот сейчас даже скучно как-то: 99% того, что планируется, так или иначе воплощается, несмотря ни на что. А тогда сохранялась этакая загадка: чего же действительно удастся

¹ «Брызги первых дождей», издательская платформа Ридеро.

сделать за поход?

Вообще я пережил много компаний, даже затруднюсь сосчитать, сколько именно. Описываемая здесь тоже оказалась недолговечной – история отпустила ей только два достаточно ярких лета, 1995 и 1996² года. Этот поход, как скоро станет ясно, тоже не свершился в строгом соответствии с планами. И такой уж «авантюрой», как я тогда назвал эту повесть, он не был. Два молодых и крепких телом мужика и две спортивные девушки способны на многое, на самом деле. Проблема, выражаясь языком великого писателя современности В. О. Пелевина, была не в харде, а в софте³, в голове. В душе, если она есть. Во внутричерепных тараканах, которые есть точно и у всех.

Тем не менее, мне и сейчас интересно перечитывать эту книгу. В ней, точнее *во мне* в ней, ещё сохранилось столько неумной молодой жизни, желаний и неизбежно сопутствующих им неумений, загадок и ответов на какие-то из них.

И Манарага, конечно⁴.

И мои комментарии, конечно. Не могу я, став вдвое старше, безоговорочно соглашаться с тем, что писал тогда. И многие читатели не могут понять некоторые тонко-

² «Десять лет походов спустя», издательская платформа Ридеро.

³ См. «EmpireV», объяснение действия боевых конфет.

⁴ Тогда было вполне нормально пойти в поход на одну вершину, на Манарагу ли, на Денежкин ли. Такие были масштабы прошиты во внутриголовном софтвере.

сти, свойственные молодой российской реальности, не оправившейся еще толком от развала Союза. И что-то добавить хочется, а из песни же не только слова не выкинешь, но и не всунешь. Вот, приходится петь за пределами песни.

Итак – 1995 год, я – аспирант МГТУ им Н. Э. Баумана с хорошими перспективами выхода на защиту, начинающий муж с трехлетним стажем, девять лет в туризме, из них семь – почти непрерывно руководитель чего-нибудь.

Совершенно необходимое предисловие

Среди недостатков, которыми Создатель щедро оделил людей, в приведенных ниже воспоминаниях особенно выпирают два: эгоизм и забывчивость. Что поделать, естественно, лучше всего запомнилось то, что имело непосредственное отношение ко мне лично, а и запомнилось-то не очень много вследствие второго упомянутого недостатка. Поэтому повествование сие полно смысловых каверн и лакун, а за единственного героя запросто можно принять меня, склеротичного и самоозабоченного.

Не так все было, совсем не так⁵.

⁵ Аллюзия на известную цитату И. В. Сталина.

Свистать всех наверх!

Не верится. До сих пор не верится, что все это произошло наяву. Так не бывает, потому что не бывает никогда. И все же – это случилось.

Об очередном выходе на Приполярный Урал мечталось три года. Маршрут подготовили в 1993-м, но не смог пойти один из козырных участников, и остатки компании зарулили на матраснейший сплав по Вишере. В 1994-м люди не набрались вообще: Большой Лёша⁶ и Андрей не приехали из Москвы, идти же втроем (двое – девчонки!) несомненное сумасшествие. И вот новая попытка: *попытка – не пытка, верно, товарищ Берия?*

На сей раз Андрей приехал. Я глазам не верил, когда углядел его, вываливающегося из свердловского поезда с огромным полупустым брезентовым «Алтаем» за спиной. Однако, факт: приехал!

Все равно, затея ужасно смахивала на пошлую выходку школьников. Намечаемый маршрут можно было защищать как тройкой, так и пешей четверкой при некоторых ухищрениях. Соваться в четверку вчетвером два плюс два – таких финтов в истории что-то не припоминается⁷. Под Россий-

⁶ Герой следующей повести.

⁷ Легко припоминается. Сейчас сделать такую четверку, значительно более интересную по замыслу, чем описываемая, проблем нет. Хาร์ดвер уже, конечно,

ским крестовым флагом и девизом «авось»... Собственно, людей вокруг меньше не стало, но, как водится, всех что-то держало. Одного – отсутствие средств и последствия плеврита. Брата Алёшу – злые обстоятельства и ну очень вовремя возникшая пневмония. Его приятеля, Сашу – лицензия на право торговли спиртным для фирмы, чтоб ей сгореть. Стёпа, услышав про поллимона, требуемые для материального обеспечения похода, тоскливо опустил глаза. Да и его жена Ирина вкупе с директором фирмы, где тот работал, были против. Особенно Ирина. Боря, как мне показалось, после двойного облома в 1991-м каждый год ясно давал понять, что с радостью ходит в походы подальше от нас, шлангов⁸. Осталось «два человека и два якоря»: я, Андрей, первый раз идущий неведомо куда (и не только для него), Света и Лена, давно желавшая повидать края дальние. Четверо. Четверо!..

Последние дни перед выходом проходили в бегах неостановочных. Клиенты озверели и хотели меня сто раз на дню. Продукты дорожали, и надо было искать, где дешевле. Андрей приехал без резиновых сапог, нужен 45-й размер. Звонили Валере⁹ в Печору, он сказал, что база Желанная окон-

не столь hard, но за двадцать последующих лет софтвер перепрошит основательно.

⁸ В 1991 году мы тупо прошли вверх по Лимбеко от Кожымского брода, после чего Свете поход надоел, и она заявила о переломе позвоночника. Аварийно вышли на базу Желанную. Дома перелом прошел за несколько дней и больше о себе никогда не напоминал.

⁹ Организатору коммерческих походов, в 1995 году – владельцу (а может, един-

чательно померла, вот те раз – куда же мы будем выходить? Ладно, ладно – хлопоты, бега, нервы – там посмотрим. Примерно параллельно с нами в тот же район намеревались две толпы: группа СЮТур'а во главе с Сергеем Кокшаровым¹⁰ и, вместе с ними, десять человек, в числе которых не последней была знакомая еще по штабу¹¹ Инна вместе с мужем. Они собирались вылететь вертолетом из Березников под Народную, залезть на нее, на Манарагу, может быть, на Колокольню, пройти через Медвежий на Вангыр и улететь с валериной базы Озерной под Сундуком. Я кое-что им рассказал, что знал, дал скопировать хорошие карты¹², попросил: возьмите одного человека с ПСН-ом, пусть он нас подождет под Народной или на Оленьем. Раз Желанной нет, сплавимся по Косью. Мнутся: мол, только СЮТуровские детки летят бесплатно, остальные выкладывают за вертушку по четыре сотни¹³. Мнутся некачественно: перед этим проболтались, что смета на весь поход семьсот с носа, а считать я умею: четыреста за вертолет туда, двести – за обратно, что же – сто на все остальное? Решил: черт с вами, обойдемся. Как?! Авось!

ственному арендатору?) базы «Озерная» около горы Сундук.

¹⁰ Преподаватель станции юных туристов, затем дома детского и юношеского туризма и экскурсий г. Березники; в 2001—2003 то я ходил у него участником в пешие походы, то он у меня. Скончался в 2018 году.

¹¹ Какому и где? Долго объяснять. Читайте «Брызги».

¹² Ну как – хорошие... кальки, срисованные карандашом в московском турклубе...

¹³ Четыреста тысяч рублей. Деноминация денег еще не была проведена.

Сами мы сэкономили на походе, как могли, поскольку ресурсы были жестко ограничены, и хотелось оставить кое-что на запас и кое-что на потом. Чудом удалось закрыть договор на полтора миллиона¹⁴, потеряв на этом сотни полторы за срочность, иначе сия вылазка и не состоялась бы, скорее всего. Нас же со Светой двое. Если другим надо по половине, нам-то требуется целый миллион! Доходило до смешного: купил грузинского чая (по нормативам насчитал 600 граммов, фактически не выпили и 250), Ленка возмутилась и приволокла что-то индийское. Его и пили, а западный пакет грузина благополучно возвратился домой. Вообще, Леночка любила комфорт. Притащила дорогую индийскую зубную пасту, сказала: не хочешь – не проводи в расходы, но «Поморином» я зубы чистить не стану¹⁵. Взяла второе мыло – зачем? В итоге, первое я протаскал так же напрасно, как и лишний чай.

До Перми ехали в общем вагоне, для Андрея состоялось первое с ним, общим, знакомство, так он ниже плацкартного не опускался. Как потом жалели, что в скорых поездах, куда поневоле приходилось залазить, общих не было вовсе, а плацкартные – они такие дорогие!

Труднее всего оказалось с мясом. «Мясную начинку» московский «Колосс» давно уже не выпускает (сам звонил

¹⁴ Я активно шабашил программистом-разработчиком информационных систем, за счет этого вполне достойно нас содержал.

¹⁵ Кажется, у нас была одна паста и одно мыло на всех? А что, вполне возможно.

в отдел сбыта, интересовался), при словах «сублимированное мясо» знакомые москвичи-туристы посоветовали дверцу духовки почаще открывать, чтоб фарш лучше подсыхал, но на такие эксперименты не тянуло. Постановили – берем банку тушенки в день. Надо же, как мы недооценивали раньше это невкусное, противное, такое легкое и калорийное сухое мясо! Глупые.

Мою «замечательную» удобством и весом (5,5 кг сухая) палатку без разговоров отмени, как негодную, выпросили у знакомых самошивное изделие из парашютного шелка весом в килограмм. К этому походу даже сшили новый спальник – красивый, синтепоновый, теплый¹⁶ и очень легкий: всего килограмм против 3,5 старого спальника. Сначала мыслилось взять только его один, но, попытавшись вмеситься туда вчетвером, эту идею отбросили. Так и волокли весь поход спальники на шестерых, зато спали весьма комфортно. Почти всегда и почти все... хм...

Беготня, беготня... Напоследок обежали с Андреем весь город в поисках резиновых сапог для него. Сорок пятый размер, отрастил ласты – так и не нашли! Надо ж было прикатить босиком, когда я не единожды предупреждал: мокро зело там, без сапог, как без рук... или без ног. К счастью, вытаскивая тушенку из подвала гаража, обнаружили рядом са-

¹⁶ Холодный, на самом деле. Это дальше в тексте подробно обсуждается. Но тогда сама возможность раздобыть где-то обрезь синтепона и что-то из нее сшить была очень редкой.

поги сорок третьего, но найденные ему на многострадальные (в дальнейшем) ступни, и их «отпустили» с нами. Все равно, идти в них ему не удавалось, одевал только на биваках, а шел исключительно в ботинках. Ох, и ботинки то были! Другого полуторного вибрама такой величины на всем Приполярном Урале поди и не гуляло...

Беготня кончилась. Всё купили, собрали, сшили, уклали. Упихали. С трудом. С большим трудом, потом и кровью. Плохо лезло, а с ноги толкать жалко. Сухарные «головы» рюкзаков¹⁷ солидно возвышались над нашими собственными, когда солнечным вечером 29 июля мы протискивались сквозь узкий проход вагона поезда до Перми. Как-то сразу решили проблему сна в общих и прочих вагонах без белья. Спальник номер два везли несшитый, то есть в виде двух одеял – шерстяного и ватинового¹⁸; также в наличии имелись новый спальник и в досталь пены. Так и разлеглись: Света на новый, Лена на старый спальники, Андрей на одеяло. Мне осталась пена, а потом – и краденые матрасы. После предстартовой карусели уснули быстро и крепко. Утром Андрея поразил вид устья Чусовой, по мосту через которую неспешно шлепал наш паровоз. Есть чему удивиться – мост с дамбой вкуче километра два с гаком...

Пермь встречала неласково. Залы ожидания – одни на ре-

¹⁷ Пропускать сухари через вафельницу для уменьшения объема мы только лет через десять догадались.

¹⁸ Сейчас даже читать такое жутко.

монте, в другие только по билетам, ни буфета, ни привета. Сунулись в расписание. Надо ж, только по нечетным идет очень удобный пассажирский, очень медленно идет, долго в Кирове очередного поезда не ожидать, а сегодня-то тридцатое. На дворе не то чтоб холодно, но прохладно и слегка сквозит, не то моросит, не то приморашивает... Постановили: рвем отсюда, как можно скорее, Киров, по воспоминаниям, много любезнее. Уже через 50 минут сидели в скором (по номеру) пассажирском (по виду и скорости) поезде, увозящем нас все вглубь и вглубь нашей дерзкой авантюры.

Поезда, как правило, не запоминаются и ничем не отличаются друг от друга в памяти уже через несколько дней после того, как их покинешь, если, конечно, ничего изрядно вон выходящего не произошло. А такое бывало. Четыре года назад на том же перегоне упавший с третьей полки один из наших рюкзаков до немоты ошарашил одну ругучую бабульку. Но этот переезд ничем примечательным не обозначился. И славно. Хотя нет: случился выброс пара и шипа при попытке научить Лену играть в любимец народа – покер, нужно же четвертого игрока для компании! Конечно, поначалу дело не шло, она злилась на свое неумение, мы злились на то, что она злится, она начинала злиться на нас за то, что злимся на нее... Ничего, известно, что любой, самый заколдобистый зачет всегда можно сдать ходками, не с первого, так с восьмого захода на десятой попытке. К пятой-шестой партии она уже вполне соображала и испытывала вполне нормальное са-

дистское наслаждение, обувая окружающих в пух и прах, когда сие получалось.

Поспали, перекусили, поболтали. Обнаружили, что оставили дома любовно сваренный десяток яиц и дружно осожалели утрату. Пригодились бы, перезаклада по забросным продуктам и так что-то не ощущалось. Погоревали, глядь – вот и Вятка. Вываливаемся.

Хитрое место есть на кировском вокзале: конкорс. Запомнил это название, наверное, с сотого прочтения. Это как *стилобат* в нашем общежитии (помещение между двумя шестнадцатизэтажными тумбочками) – как только это бедное слово не писали, не читали и не произносили! Однако, чтобы усесться в конкорсе на свободные стульчаки, которые там, почему-то, всегда в наличии, совсем необязательно правильно выговаривать то, что в принципе не выговаривается. Обязательно иметь билет, однако, с этим-то и приключилась впервые за поход проблема, терзавшая меня значительно хуже голодной, ослабело дремлющей совести: нерешительность. То ли надо меньше думать, то ли монетку кидать, только часто случалось, что при выборе из нескольких примерно равноценных альтернатив меня как заклинивало: и это хорошо, а почему то хуже? Нисколько. Так что же выбрать, тем более, что, как всегда, мучительно не достает вводных данных, и решаться на то или это можно, только полагаясь на волю Случая? Это проблема... Так вот, от Кирова на север шли только два поезда – до Воркуты, проходя-

щий, и до Котласа, местного формирования. На второй есть билеты, но куча пересадок впереди, первый везет до места, но билеты начнут давать только после отправки второго, так что есть шанс зависнуть на сутки. На сутки! Ну уж нет. Критерий минимального риска: отбываем котласским.

Самым знаменательным событием за время пребывания в Кирове была, пожалуй, покупка газеты компьютерного толка с юмореской «Как приготовить марабу с клецками». Этот малозначительный, кажется, факт имел столь обширное продолжение, что данный рецепт просто-таки необходимо привести здесь.

Возьмите одно марабу. Если у Вас нет марабу, то я Вам удивляюсь. Возьмите хотя бы какаду. Затем обрубите копыта и рога, а жабры извлеките, тщательно промойте и выбросьте. После чего вымочите в белом вине, пока не забалдеет. Пропустите через мясорубку два раза – туда и обратно. После этого насыпьте на хвост соли: у марабу это самое нежное место. Тут главное – точная дозировка: на одно марабу – одна соль. Хвост рекомендуется придерживать, так как оно им машет.

Затем набейте ему брюхо рисом, а морду кулаком. Хорошо отбитое марабу по своим вкусовым качествам приближается к молодому цыпленку, плохо отбитое – удаляется от него. Теперь наступает ответственный момент – нужно бросить это несчастное животное в кипящую воду. Тут

имеется нюанс: если бросать издали, можно не попасть в кастрюлю. Поэтому не отходите от плиты дальше, чем на два – три метра. Но если вы все-таки промахнулись – не беда, по правилам кулинарии дается три попытки. Варить марабу не нужно, нужно сразу же вынуть, так как вы забыли ощипать перья.

Как подавать готовое марабу, зависит от фантазии каждой хозяйки. Например, на островах зеленого мяса, где основой кулинарной политики является демократический каннибализм, марабу подается с печенью врага. У нас же каждая хозяйка может просто взять со стола скатерть и завернуть готовое марабу мужу на работу.

Помните, одно марабу наедает до отвала всех, кто рискнет его попробовать.

Что же касается клецок, то варить их надо отдельно: марабу от них тошнит.

О продолжениях – потом, пока мы просто вволю посмеялись и спрятали газету в дежурную сумку. Рядом в зале ожидания (хватит, пожалуй, выговаривать то страшное слово!) сидел до того же поезда интересный старичок с рюкзаком, собиравшийся на рыбалку в горы Полярного Урала, не то на Сось, не то где-то около. Взяли интервью – как же ловить рыбку большую, ну, ладно, пусть маленькую, но чтоб ловить? Дедушка надавал кучу полезных советов, большинство из которых тут же предали забвению, а остальные, как водит-

ся, в реальных условиях оказались бесценными, то бишь оценивать их нарицательную стоимость даже отрицательными числами язык не поднимался. Такие уж мы... рыбаки. Обсудили со старичком проблемы современного спортивного туризма, почему турья меньше ходит, а в поездах свободнее не стало. Заодно подивились целеустремленности довольно пожилого человека, который много лет подряд находит силы и средства для таких трудных и дальних вылазок.

В котласском поезде влезли в плацкартный вагон: хотелось выспаться, не воюя за места, хоть бы и без белья. Наверное, не прогадали – на следующий день уж очень много сил понадобилось.

Первая незадача поджидала утром на платформе Котласа-Южного. Проводник поведал, что в момент прихода нашего поезда на второй путь с первого трогается московский, и приходится ждать, пока он утащится, а там уж у кого ноги прытче – до касс. Поезд-таки находился на первом пути, но отправился через три минуты после прибытия нашего. Мы же, обманутые, не спешили рваться к выходной двери, полагая, что весь народ скучкуется напротив вокзальной двери вместе, а там уж Андрей, легкоатлет, не подкачает. Вышли из вагона чуть ли не последние: народ шустро пробирался сквозь и под московским. Секундное замешательство – поезд медленно тронулся. Я еще успел обежать кругом его хвоста, все же несколько опередив стоявших рядом, но пробиться ближе двадцати человек к кассе уже не удалось. Через

несколько минут подоспел и Кировский рыбак, примостился рядом. А потом появилась некая девица, уверявшая, что ее компания уже устала поджидать ее на Кожим-Руднике, и нужен-то ей всего один общий билет. Пустил. Свой один она взяла, а на мою скромную просьбу о четырех последовало безразличное недвусмысленное «нет». Фортуна. Очередь напряженно замерла, ожидая неизвестно чего: какой-то умник так изменил расписание за те года, что я тут не появлялся, что в Южный стали заходить только два поезда в сутки: 176, на котором укатила счастливая одесситка, и 188, Котлас-Воркута, по четным. Через полтора суток в полночь.

Что делать – надо добираться до Узлового, там проходят еще три поезда. И опять годы не пошли этому достойному городу на пользу: раньше автобус ходил от Южного на самый Узловой, теперь, по разговору на стоянке, поняли, что доедет только до какого-то переезда, а там сколько-то пешком. Вроде, недалеко. Пока ждали автобус и подслушивали разговоры, все гадали – на что же надеются те, остальные у кассы, и почему они не ломятся вместе с нами на остановку? Загадка природы!

Пресловутый переезд появился так внезапно, что я не успел набросить на Светку рюкзак, ей пришлось выносить его на руках, и она прегромко на меня нашипела. Вывалились вместе с внезапно взбудоражившейся толпой, глянули – вокзал виднеется чуть ли не на горизонте, как минимум, километр с приличным гаком. А ушлые в вопросах

очередности людишки уже пылят вдоль железнодорожного полотна, только подметки сверкают. Скомандовал Андрюше, уже напялившему «Алтай»¹⁹ – обогнать! Подлез под рюкзак, допыхтел до немного ушедшей вперед Ленки, хватаю у нее из рук сумку, куда выложили весь продуктовый запас и «расходные материалы» на подъезд – куда там! «Я сама!» – и все тут. Глупая, говорю, деньги же в сумке, неужто я о тебе забочусь... И ходу. Некоторое время даже смог продержаться за легкоатлетом, но потом в глазах покраснело, в зобу дыхание сперло, и тот медленно, но верно, начал уменьшаться в угловых размерах.

Однако, и тут не повезло. Как потом судачили кумушки в очереди, становящейся совершенно импотентной, радужной и общительной на время отсутствия билетов, пока мы бежали, еще были общие на тот самый 384-й, которого не стали ждать в Кирове, в уж как добежали, так они и кончились, хоть никто их и не брал.

Проводники 384-го, который вскоре подошел, скромностью не отличались. На вопрос Андрея о таксе заячьего проезда до Печоры разгубастили аж по двести штук с носа. Я бдительно стерег кассу, столь же тщательно, сколь и безрезультатно. Поезд мягко стронулся, и вновь открылась унылая панорама неэлектрифицированных опустевших путей под мерзенькими тучками, навевающая желание смотаться отсю-

¹⁹ Рюкзак типа «мешок», без жесткой спины и с эфемерным поясом, объемом 120 литров. Лучший из всех, которые тогда можно было купить в магазинах.

да на чем угодно и куда угодно как можно скорее.

В самом деле, если на Южном можно было хотя бы прогуляться в город, или на красивый речной вокзал на берегу неширокой Двины, или в магазин, на худой конец и тощий кошелек, то здесь выбор ограничивался коммерческим киоском и деревянным сортиром. Ах, нет, еще магазинчишко с маринованными помидорами в трехлитровках и приветливым взглядом полусонной торговки – чё приперся? Да стройные деревца неподалеку, на которые так и тянуло с основной веревкой и мылом.

До того нас довел этот вокзальчик, что уже готовы были взять безумно дорогие билеты на фирменный 22-й Воркутинский и с нетерпением поджидали, когда начнут давать. Я выклянчил себе в очереди место первым среди желающих на общие места, видимо, окружающие попались богатые и охочие до комфорта, а дали... три купейных. Не желая терять приоритет непосредственного сближения с лакомым окошком, я подвинулся ровно настолько, чтоб первая дама из «белой» очереди, особо не затрудняясь, могла разместить свои телеса в допустимой близости к кассиру, но не более. Что началось! Мало сказать, что она пихалась задницей, другие части тела также порывались участвовать в процессе, а глотка не закрывалась ни на йоту, даже когда мне удавалось вставить что-то типа:

– Ой, женщина, ну что ж вы кричите? Ведь вам уже вон билет выписывают... Да не толкайтесь, я же костлявый, вам

больнее будет... Поберегли б, что ли, голос, вдруг сядет... – и прочую чепуху, коей пытался остудить медленно возбужающий накал остальной очереди против вовремя подвернувшегося хулигана, на котором можно замечательно сорвать злобу. На самом деле, заговор зубов мне лично был ни к чему, поскольку рукой за «прилавок» я вовремя уцепился, и отделить меня от него вряд ли бы удалось. Подскочила Света, здраво рассудившая, что мне с бабой драться не с руки, а ей-то в самый раз мужа защитить, но конфликт уже иссяк, так как туша обладательницы последнего бесценного клочка бумаги уже протискивалась сквозь бушующее море обездоленных, а надежды всё пасмурнели, и это остужало головы.

Результатом описанного конфликта и обеда на скорую руку стало внезапное решение взять билет на проходящий скорый до Сосногорска – это полдороги. В самом деле, кроме него оставался единственный 114-й Лабытнангский поздно вечером, и клуб желающих уже явно превышал количество мест в двух-трех вагонах. То были больше мужики, не бабы: на кривой козе не объедешь, так что нам мешает попытаться счастья в новом месте? Да и на билетах сэкономим – пусть скорый, но не фирменный же.

Рыбак остался караулить Лабытнангский – ему от Сейды надо вправо, а не прямо, на Воркуту; нам Сейда была до лампочки, и мы тепло расстались. В вагоне надежно выяснили, что искомый Сосногорск стоит на дороге прямо за Ухтой, да, да, на той самой дороге, никак не в стороне – да кто вам та-

кую глупость сморозил? Доедете, как по маслу.

Как водится, покеряли²⁰. Надоедает до изумления, но что делать, кроме как?.. Моя попытка произвести какое-либо обучение, ну, хотя бы узлы, ну хоть что-то – наткнулась на махровую индифферентную стену и мягко обшуршала по ней; поэтому я не кобенился и играл со всеми. Забавной игру делала Света. Принцип ее заказа, а, вернее, повально-го пасования, не мог просечь никто, и как-то раз Андрей, в ужасе взирая на ровные кучки взяток перед ним, недоуменно пробормотал:

– Кто?! Ну кто так играет? Заказал шесть на восьми и – *перебрал...*

Доехали. Утренние нервотрепки сделали черное дело – я чуть было не скомандовал вывалиться в Ухте, как увидел, что весь вагон поднялся. Думал, как в московском метро: раз объявили, что поезд следует до станции Белорусская, непременно надо выйти на Новослободской, а то на Белорусской скопится столько желающих, что два-три состава точно пропустишь. К счастью, не успели. Полюбовались на грандиозный лик Ильича на высоком яру, на приветливо расплывающиеся в предночных сумерках зоны, не успели зевнуть, как следует – станция Дерезай, прикатили, вылезай.

В Сосногорске мне понравилось больше, чем на любой другой пересадочной станции по дороге. Первое ощущение

²⁰ В покер то есть играли. Вот такой неологизм, созвучный с известным российским выражением.

ние при виде одноэтажного деревянного вокзала в два зала с неперменной площадью и следами памятника вождю – спокойствие. Тишина и покой²¹. Такая тишина, что даже составительские работы у самой пассажирской платформы никак не озвучиваются, вагоны подползают бесшумно и весьма внезапно. Коварненько так. В правом зале мирно дремлют те, кто еще не в очереди. В левом зале мирно дремлет очередь. Длинная. Все – на юг, кто в Москву, кто в Киров. А кто на север? Ищи дураков. Тебе надо, вот сам и езжай, только не мешай, на твой 22-й билеты ох не скоро, мы тут деремся на 113-й до Москвы. Это вы так деретесь?! В Котлас вас, на обучение...

Полусонный мужик выдал интересную информацию: он, дескать, уж сто лет как от Печоры до какого-то ближнего, минут сорок, леса на паровозах с машинистами катается, «пачку папирос дам, и везут». Не то, чтобы были какие-то сомнения, что семи требуемых билетов (три до нас в очереди, мы четвертые) не отыщется, просто потянуло на приключения, и мы с Андреем знатно побегали по длинющим путям, отыскивая тот неведомый девятнадцатый, с которого, по словам диспетчера, вот-вот уходил состав, и как раз до Печоры. Потом искали второй состав, потом третий... Как заколодило: машинисты и механики с невероятной высоты рокочущих громадин невнятно бормотали что-то о проверяю-

²¹ К сожалению, в этом году я, кажется, наблюдал из окна вагона начавшуюся реконструкцию этого удивительно уютного вокзала.

щих, видимо, намеренно напугавших кого-то до потери квалификации, слышно было плохо, но смысл доходил – а не пойти ли вам. После третьей попытки, изрядно угваздав тапочки в обильно политых мазутом, солярой и еще Бог весть какой пакостью путях, напрыгавшись по клацающим стрелкам и подозрительным кучам металлолома, затею оставили.

Света, по обыкновению, пристала к Андрею с традиционным «Расскажи что-нибудь». Тот напрягся и выдал историю о новой, перспективной технологии ловли сусликов в орских степях²².

– Они, суслики, шустрые, и выходов из нор много. Так, запросто, ни за что не поймать. Ну и что? Берешь ведро с водой, идешь к норе суслика, выплескиваешь туда и стоишь, ждешь. Только он от воды из норки высунется, надо тут же ведром накрыть, и чем-нибудь тяжелым по ведру – бам-м! Поднимаешь – готово: стоит мокрый ошалелый от грохота суслик, и хватай его голыми руками...

Бегали, выяснилось, зря: когда рассосались желающие на юг, кассирша на удивление проворно выписала нам билеты в добавочный (и, судя по цене, не считающийся фирменным) 21-й вагон, и осталось только дожидаться поезда, доковылять до вагона, доказать сварливой тетке в униформе, что ее мечта об оплате нами багажа столь же эфемерна, сколь кипяток в ее титане и всюю заклубиться сладострастно на жестких полках...

²² Родом он был оттуда, из города Орска Оренбургской губернии.

Бодрость, вызванная приближением желанной Печоры и солнечным утром, жестоко сражалась с реактивным гулом в распухших от перегонов, пересадок, перепалок и перестука бидонах, в нормальной жизни иногда именуемых головами, и с трудом победила. Хватило даже прыти по привычке резво залететь в знакомый вокзал и занять последние сидячие места неподалеку от дремлющего местного убогой наружности. Вскорости умельцы из местного ЛОВД решили помешать ему дремать, и места у нас стало, хоть отбавляй.

Погода обманчиво радовала – на горизонте отчетливо высились клыки Сабли. Верная примета: на две недели дождя.

Время тянулось медленно. Решил ехать к Валере²³ к девяти, поезд же пришел в полседьмого. Сыскал буфет, невероятно засранный WC, обошел киоски и закоулки... В 7:30 не вытерпел, не покупая жетона, набрал заветный номер в автомате, услышал, что на том конце подняли трубку²⁴ и с легкой душой повесил свою: дома. Никуда не уехал, не придется ждать неизвестно сколько. Заходя в вокзал, уперся глазами в рекламу – «Национальный парк Коми „Югыд-Ва“». На куске фанеры пространство от Кожима до Тельпос-Иза лохмато замалевано красной краской: надо полагать, это и есть запретная территория. Да, не слабо от-

²³ Частному предпринимателю, упоминавшемуся выше. У нас была нелепая надежда, что за определенную, оказанную ему, помощь он нас бесплатно вертолетом кинет в горы.

²⁴ Автомат был не бесплатный, но монету глотал только после соединения. То есть определить наличие абонента на том конце можно было без денег.

хватали.

Пока суд да дело, переложились, упрятав сумку с жалкими остатками харчей, сшили спальник²⁵, вынули представительскую фляжку со спиртом, которую намеревался прихватить с собой в гости. Сумел даже загнать девушек в буфет по котлеты, которые они единогласно охаяли. Нас в буфет загонять не возникало нужды, достаточно было отпустить. Котлеты и впрямь оказались с дерьмецей, но в сравнении с незабвенным Бухенвальдом в стилобатской столовой²⁶ вполне съедобные.

Наступил торжественный миг: при появлении очередного автобуса номер 2, я сорвался с места, выжал из окружающих дежурное «ни пуха» и двинулся навстречу Валерию и судьбе.

В аэропорту стояла девственная тишина. Никто не взлетает, ничто не садится, никого нет в зале ожидания. Отыскал гостиницу, зашел – хоть бы кто поинтересовался, кто, куда и по какому праву. Нашел комнату 317, запертую, с надрывающимся внутри беспризорным телефоном. Так: и где же наш благодетель? Побродил по вымершим этажам, позаглядывал в пустые отпертые комнаты. В одной обнаружил телефон, набирал и его домашний, и рабочий, в последнем случае через картонные двери хорошо слышал звонок в конце коридора. Н-да.

Спустился вниз, вопрошаю дежурную: где? А, кто его зна-

²⁵ То есть соединили шерстяное одеяло с ватиновым по трем сторонам.

²⁶ В общежитии МГТУ им. Н. Э. Баумана.

ет. Решил подождать. Не прошло и полгода, как та возвести-
ла:

– А, вот он идет, ваш Валера!

Не лишняя реплика, поскольку за пять лет утекло много
воды и песка, не было уверенности, что узнаю его в лицо.
Зашел в компании с неким джентельменом на спортивном
велосипеде. Стою поперек: проходит мимо, глядя в упор.
Представился. Затонский? Ну, пошли.

Сначала он разобрался с овелосипеденным мужиком –
выдал ему путевку на какую-то группу, напутствия и т. п. По-
том поймел связь по рации с базой «Озерной» под Сунду-
ком. Слышно было изумительно – точно, осадков не мино-
вать. Где же они? В окне синь невероятная. Тем временем, я
бездельничал, послушивал и поглядывал. В частности, раз-
глядел на стене price заповедника. Хитро сделано: вроде
и не очень дорого, три тысячи с носа в день, но к ним надо
еще оплатить фотоаппараты (3000 в день каждый), кинока-
меры (10000), видеокамеры (не запомнил из-за громоздко-
сти и несуразности цифры)²⁷, само собой удочки, кажется,
даже ружья... Ладно, за сапоги и хворост не берут.

Затем, наконец, добрались до меня. Я выложил привезен-
ные из Москвы материалы по рекламе его фирмы, доложил
результаты, те, что не успел отправить в письмах, поболтал

²⁷ Люди долго судились с нацпарком, пока плата за фото- и видеосъемку не бы-
ла-таки признана незаконной и не отменена. К слову сказать, сейчас нацпарк
значительно более лоялен к гостям, чем был тогда.

на тему и около. Он вытащил из ящика стола мои письма – приятно было видеть их красиво обернутыми в прозрачные папки, бережет, наверное.

Однако, той радости, которую я страстно жаждал, так и не обломилось. Не то, чтобы бесплатно устроить на вертолет (к слову, их в обозримом будущем, до седьмого августа, и не предвидится, а будет ли после седьмого, на то воля Божья и плательщика), но и дать бесплатное разрешение невозможно. За разрешение надо платить. Посчитал что-то на калькуляторе, подумал, спросил:

– Что, двести пятьдесят можете?

– ...!!!

– Тогда сто восемь. Есть?

Ответил, что, пожалуй наскребем, но надо ехать на вокзал, с собой столько нет. Ничего, говорит, у меня тут дела есть, как раз через часок подъезжай.

Добрался, взял деньги, поехал назад. Тем временем, с запада приближалась со скоростью реактивного самолета некая чернота и на полдороге догнала – ударил мощный дождевой заряд, быстро сменившийся недолгой моросью. Но затянуло всё небо, и капитально.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.